

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК

5 (68)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 0

МАГРИБ НАКАНУНЕ ХАРИДЖИТСКОГО ВОССТАНИЯ

Неизученность хариджитского восстания, приведшего к свержению господства халифата над Магрибом, является серьезным пробелом в исторической науке. Прежде всего это относится к причинам восстания. Эти обстоятельства часто приводят исследователей, вынужденных попутно касаться хариджитского движения, к ошибочным заключениям. К последним относится весьма распространенное представление о хариджитском восстании в Магрибе как об арабо-берберской войне, о непримиримом антагонизме между арабами и берберами как о причине восстания.¹

Этот взгляд оказывает даже влияние на переводы известнейших арабистов. Например, в многократно цитируемой здесь истории Магриба Ибн Халдуна сообщение о нападении хариджитов на курейшитов, т. е. на высшую землевладельческую аристократию, переводится с пояснением названия „курейшиты“ словом „арабы“, что придает переводу смысл, не соответствующий тексту.²

Досадно, когда порочная расовая теория получает поддержку в исследованиях даже передовых западноевропейских востоковедов, историков. Например, Ж. Марсэ заключает описание известной победы хариджитов Магриба над знатью, названной „боем благородных“, сло-

---

¹ L'Encyclopedie de l'Islam, т. I, стр. 3. Здесь сказано о хариджизме в Магрибе, что он „стал национальной доктриной, послужившей поводом к борьбе африканцев против арабов ортодоксов“. Там же (стр. 717) говорится о хариджитах Магриба: „Они восстали против арабов“.

² Ибн Халдун. Та'рих ад-дувал ал-исламий би-л-Магриб (арабск. текст), т. I. Алжир, 1847—1851, стр. 159; франц. перевод: De Slane, т. I. Alger, 1852—1856, стр. 219 (в дальнейшем: Ибн Халдун). Что речь идет именно о курейшитах, а не об арабах вообще отмечают и другие историки: Ибн 'Аз'арй. Ал-Байан ал-Магриб... (арабск. текст), т. I, Лейден, 1848, стр. 59; франц. перевод: E. Fagnan. Alger, т. I, 1901, стр. 79 (в дальнейшем: Ибн 'Аз'арй); ан-Нувейри, которого перевел тот же Слэн и опубликовал в виде приложения к своему переводу т. I Ибн Халдуна. Совершенно очевидно, что неточность перевода вызвана упрощенной оценкой хариджитского движения: „Берберы стремились свергнуть господство арабов“ (De Slane, предисловие к переводу Ибн Халдуна, т. I, стр. XXI).

вами: „Заслуживает быть отмеченным это превращение конфликта между иммигрантами и аборигенами в расовый антагонизм“.¹ А в работе автора основательной двухтомной истории Магриба мы находим характеристику движения хариджитов, как „некоторого рода эпизод классовой борьбы и манифестация ксенофобии“.²

Между тем указанные авторы сами отмечают один из важнейших принципов хариджизма — равноправие, выразившееся в признании за каждым правоверным мусульманином, „независимо от расы“,³ права занять трон халифа. Затем известия источников указывают на нападки против хариджитов за то, что они „проявляют терпимость к евреям, христианам и другим вероисповеданиям“.⁴ А совершенно очевидно, что в средние века без религиозной нетерпимости, одурманивающей массы, не могло быть и не было нигде ксенофобии. Острие хариджизма, в годы подъема его, было направлено не против инаковерующих или инородцев, а против правящей знати, вуалировавшей священным для хариджитов Кораном притеснение масс.

Противоположной европейским исследователям позиции придерживались авторы арабских хроник, исторических работ. Ограничивая суть хариджитского движения формой его, религиозным расколом, они в поисках причин восстания направляли главное внимание на выяснение вопроса о распространении идеологии хариджизма в Магрибе. Здесь движение возникло значительно позднее, чем на Востоке, и арабские авторы видели причину распространения хариджитских учений единственно в агитации приверженцев движения, иммигрировавших в Магриб. Ибн ал-Асйр, автор труда, относящегося к истории всего мусульманского Востока, усматривает, таким образом, причину хариджитских восстаний магрибийцев в том, что „проникли к ним иракцы (хариджиты, — М. Ч.), взбунтовали их, и они откололись (от мусульман)“.⁵ Этой же позиции придерживается и Ибн Халлун, автор труда по истории Магриба.⁶

Упрощенные взгляды арабских хронистов и историков на описываемые ими события снижают несколько ценность их трудов. Уделяя ос-

¹ G. Maçgais, La Berberie musulmane et l'Orient au moyen âge. Paris, 1946, стр. 46.

² A. Julien, Histoire de l'Afrique du Nord, т. II. Paris, 1951—1952, стр. 28.

³ G. Maçgais, ук. соч., стр. 47.

⁴ Мас'удий. Мурудж аз-Захаб, т. V, Paris, 1861—1877, стр. 439 (арабск. текст с франц. переводом, Барбье де Мейнара; в дальнейшем: Мас'удий). Автор рассказывает, как халиф Омар II старался отвратить делегатов-хариджитов от таких отношений.

⁵ Ибн ал-Асйр. Китāб ал-Кāмил фи ат-та'рих, т. III. Лейден, 1851—1871 (в дальнейшем: Ибн ал-Асйр), стр. 72: *دب اليهم اهل العراق واستثارهم فشقوا العصا.*

⁶ Ибн Халлун, т. I, стр. 136; франц. перевод. стр. 216.

новное внимание вопросу распространения хариджитских идей, эти авторы сводят основную причину хариджитского восстания к второстепенным поводам, не сообщают достаточно данных для суждения о сложившейся обстановке. Тем не менее они являются важнейшими источниками для выяснения причин восстания и опровергают сложившиеся ошибочные представления по этому вопросу.

Эволюция налоговой эксплуатации в Магрибе и присвоение завоеванных земель

Подобно тому как это практиковалось при первых завоеваниях на Востоке, халифат начал покорение Магриба тоже с захвата добычи, угона пленных в рабство, обложения населения данью. Затем первый обосновавшийся здесь правитель Хассан ибн Ну'ман пытался, в духе политики на Востоке, столковаться с верхами византийцев Туниса и Карфагена о подчинении их на условиях сохранения ими феодальных привилегий. Но сделка эта была обречена на неудачу — в Магрибе власть византийцев была слишком непрочной и ограниченной.¹

После этого Хассан, преодолев длительное военное сопротивление берберов, основал в Кайруане налоговое ведомство. Оно тоже, по всей видимости, распространяло свою власть не очень далеко за пределы этой магрибийской метрополии халифата. Деятельность Хассана тормозили три обстоятельства: 1) здесь не было до арабов готовых форм, которые послужили основой феодального строя халифата, — лишь незначительная часть племен Магриба облагалась раньше регулярной данью;² 2) страна при Хассане далеко еще не вся была покорена; 3) завоевателям выгодно было обеспечить себе из среды берберов сильную военную опору, и поэтому они не решились сразу применить жесткую аграрную политику.³ К тому же захват богатых византийских городов Магриба обеспечивал еще тогда арабам очень богатую добычу.

¹ El Bekri, Description de l'Afrique Septentrionale. Франц. перевод: Mac Guerin De Slane, Journal Asiatique, t. XII, 1858, стр. 506—607 (в дальнейшем: El Bekri, JA).

² Ибн Халдун (т. II, стр. 9; франц. перевод, т. III, стр. 191) говорит, что эти племена платили „повременный харадж“ (خراج مؤقت); название не указывает ни на объект, ни на ставку обложения. Вероятно, этим необычным термином автор хотел подчеркнуть отличие таких племен от тех, с которых дань не взималась вовсе или собиралась случайно, при военных экспедициях в места расположения племен, при откочевывании их в районы, контролируемые гарнизонами византийцев (см. там же, а также: т. I, стр. 131—132; франц. перевод, стр. 207—208). Ибн ал-Асйр весьма неопределенно сообщает: „Владелец Константинополя Гераклий получал с своих правителей в Египте, Ифрикки и других харадж“, применяя этот термин в общем значении „подать“ (Ибн ал-Асйр, т. III, стр. 71).¹

³ Ибн 'Абд ал-Хакам. Футуḫ Мыср... (арабск. текст). Лейден, 1920, стр. 201 (в дальнейшем: Ибн 'Абд ал-Хакам). Автор сообщает: Хассан „наложил

Преемник Хассана, Мусā ибн Нусейр, в основном завершил покорение Магриба, но продолжал нуждаться в местных союзниках для удержания в повиновении воинственных племен. А главное, их силы надо было привлечь для успешно начатого им завоевания Испании. Отсюда колебание политики Мусы: с одной стороны — продолжение практики мирных сделок с вождями берберов, с другой — разгром ряда населенных пунктов и увод жителей в плен, в рабство.¹ После Мусы отпала задача привлечения новых сил берберов Магриба на завоевание Испании. А тем самым кончалась политика вынужденной осторожности в отношении берберов.

Но успехи покорения Магриба и организация в нем фискального аппарата с самого начала не удовлетворяли центральную власть. Это вытекает из неизменного применения Дамаском чрезвычайных мер для обеспечения поступлений в казну халифа. Когда первый правитель, пытавшийся урегулировать сбор податей, Хассан, был отозван, то он вывез богатства огромной ценности — около тридцати пяти тысяч рабов, табуны лошадей, редкостные драгоценности. Все это богатство у него было конфисковано халифом.

Ценности, накопленные Мусой, постигла та же участь. Но Мусā, кроме вывезенных ценностей, оставил в Магрибе много богатств, главным образом в виде захваченных земель и покоренных мавāли, доставлявших огромные доходы его сыновьям, родичам и челяди, осевшим в Магрибе. Отнять эти богатства халифу было гораздо труднее. Однако преемник Мусы, Мухаммед ибн Йазид, усердно продолжал конфисковывать богатства членов рода Мусы, прибегая к пыткам, казням. В свою очередь этот правитель, осевший в Магрибе, сам стал жертвой прави-

---

харāдж на ифрикийских чужеземцев и на тех берберов, которые вместе с первыми поддерживали христианство“ — *وضع الخراج على عجم افریقیة ولى من اقام معهم على — التصونانية من البربر* в других арабских источниках. Лишь автор более поздней работы толкует его безоговорочно в духе, наиболее выгодном для фиска: Хассан „обложил харāджем румов и берберов“ (*Histoire de l'Afrique El Kaïrouāni. Traduite de l'arabe par Pelissier et Remusat, Paris, 1845, стр. 55*).

¹ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 205; Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 25—26; франц. перевод, т. I, стр. 32, 33. Сообщается, что Мусā был вынужден угрозами со стороны некоторых его полководцев участвовать под городом Седжума в неоправданных убийствах населения, заключившего с ним мир, в угоне этих людей в рабство; эти полководцы мотивировали свои действия местью за убийство их предка, 'Уқбы, завоевателя Магриба. Исчисляя при этом по-разному данные о количестве пленных, источники сами явно относятся к ним несерьезно. Один приводит цифру в 200 000 рабов, а пятая часть, причитающаяся халифу, определяется в 20 000 (Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 204). Другой передает характерный „милостивый“ ответ на донесение Мусы о том, что причитающаяся халифу доля составляет 100 000 человек: „Полагаю, что это образчик твоего вранья“ (Ибн Халдун, т. I, стр. 131; франц. перевод, стр. 206). Вообще трудно представить себе, как можно было доставить халифу через пустыни такую массу рабов.

теля Йазйда ибн абү Муслима, при котором произошла первая вспышка движения хариджитов (720 г.). Так продолжалось и в последующие годы, до восстания (739 г.).

Чтобы понять эту своеобразную фискальную политику и эволюцию ее, обратимся прежде к событиям в соседних владениях халифата за период до хариджитского восстания в Магрибе. Там халиф. 'Абд ал-Малик успешно справился со своим соперником Ибн Зубейром (693 г.). Знаменитый полководец и правитель Ирака Хаджжәджд огнем и мечом подавил в своих владениях всякое сопротивление халифату, в частности хариджитские восстания, от которых ему случалось раньше позорно бежать.¹ Расправляясь с мятежниками, боровшимися против феодального закрепощения, Хаджжәджд насильственно водворял новообращенных мусульман-земледельцев обратно в их общины, во владения их феодалов, облагал всеми поборами, падавшими на массу зиммйев.² Возросли доходы фиска, укрепился там контроль над поступлением их в казну.

В Египет, которому был тогда подчинен Магриб, 'Абд ал-Малик назначил правителем своего сына (701 г.). Жадный, беззаботный, он осуществлял здесь линию Хаджжәджда. В результате этой фискальной политики не прекращался голод, усилилось массовое бегство феллахов, обезлюдели селения.³ Тогда в Египет был направлен Курра ибн Шарйк (708—714 гг.), о правлении которого до нас дошли документальные данные, папирусы. Он вынужден был назначить специальных комиссаров для выявления и водворения беглых феллахов на землю по месту их приписки.⁴ Этой же цели служила и круговая порука селений, использованная для взыскания податей.⁵ Положение особенно обостряется ко времени правления халифа Омара II, последний год царствования которого (720 г.) совпадает с началом хариджитских восстаний в Магрибе. Вся политика его — свидетельство тяжелого кризиса халифата. Он вынужден был, например, заковать в кандалы правителя Египта Усәму ибн Зейда, практиковавшего здесь клеймение податных каленым железом.⁶

¹ См. рассказ Мас'удй и стихи о бегстве Хаджжәджда, преследуемого хариджитами, которых вместе с Шабйбом вели в бой прославившиеся своей храбростью мать его и жена Газәла (Мас'удй, т. V, стр. 321, 367 и 441).

² Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 82, 151—152, 156; Абу Йусуф Йа'куб. Китәб ал-Харәджд (арабск. текст), Каир, 1346 г. х. (1927/28 г. н. э.), стр. 153 (в дальнейшем: Абу Йусуф).

³ См.: Н. Lammens. Etudes sur le siècle des omayyades. Un gouverneur arabe omayyade d'Egypte... Beyrouth, 1930, стр. 311.

⁴ Там же, стр. 312.

⁵ Там же, стр. 313—316, 321.

⁶ Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Палестинский сборник, т. XVII, вып. 2, ч. 1, СПб., 1903, стр. 704.

Истинную причину этих чрезвычайных мероприятий правителя и халифа раскрывает послание, исходящее от самого Омара II.¹ Этим документом халиф подводит грустный итог земельной и налоговой политики до кануна хариджитского восстания в Магрибе, начиная со времен Омара I, который, по утверждению послания, заложил основы аграрных отношений халифата.² И так как совершенно очевидно, что именно в развитии этих отношений мы должны искать ключ к выяснению причин восстания, мы попытаемся вначале разобраться в основах политики Омара I.

Оказавшись у руля правления складывавшейся империи арабов, Омар I (634—644) мог подойти к решению налоговой и земельной проблем, лишь сообразуясь со сложившимися в ходе завоеваний конкретными условиями. А они определялись, с одной стороны, уровнем развития арабов и, с другой, — найденными ими в покоренных странах готовыми общественными отношениями.³ При этом для уровня развития Аравии были характерны полупатриархальные традиции с общинными и заповедными (химма — حمى) землями, а также элементы военной демократии с сложившимися формами раздела добычи⁴ и обширными межплеменными союзами.⁵ Сущность же отношений, сложившихся в завоеванных странах, Омар, естественно, видел в готовой системе феодальной эксплуатации земледельцев, опасной, однако, расцветшим на ее почве сепаратизмом феодальных властителей Ирана и Византии, широко использованным Омаром для подрыва сил своих противников; молодой халифат не мог не учесть этого опыта, тем более, что в иной форме антигосударственные тенденции далеко не были чужды и арабской верхушке.

Соответственно этому Омар I строил свою политику. С одной стороны, он строго соблюдал сложившиеся традиции раздела военной добычи. А с другой, он исключал из нее земли с их населением, которые должны были передаваться в распоряжение халифа. Хотя арабы

¹ Н. А. R. Gibb. The fiscal rescript of Umar II. Arabica, t. II, part I, 1955, стр. 1—16.

² Там же, стр. 4 (п. VI послания).

³ К. Маркс следующим образом характеризует результаты завоеваний: „Во всех случаях способ производства, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший из соединения обоих, определяет собою то новое распределение, которое устанавливается“ (К. Маркс. Введение к „К критике политической экономии“. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. 1. М., 1935, стр. 188).

⁴ Ср.: Lane. Arabic-English Lexicon, book I, part 2, London, 1867, стр. 810:

رَبَعَتٌ فِي الْجَاهِلِيَّةِ وَحَمَسَتْ فِي الْإِسْلَامِ. К анализу примененных здесь терминов раздела добычи до и после ислама мы еще вернемся.

⁵ Ср. межплеменной союз хилф ал-фудул (حلف الفضول): ал-Йа'кубй. Та'рих, т. II. Ed. M. Th. Houtsma, Leyde, 1883, стр. 16—17; см.: там же, т. I, стр. 313—315; Ибн ал-Асйр, т. II, стр. 28.

раньше в основном довольно смутно представляли себе частную земельную собственность, это мероприятие Омара натолкнулось на упорное сопротивление. У знатных, заносчивых военачальников и других руководителей арабских завоеваний жадность разгоралась прямо [пропорционально] возраставшей военной добыче. Лишь немногие из них поддерживали планы Омара; источники полны сообщений о бурных пререканиях с Омаром многочисленных противников его политики. В результате утвердилось два термина, соответствующих различным видам добычи: первый, ганима (غنيمة), включал оружие, доспехи, лошадей, ценности и другое движимое имущество, которое делилось среди непосредственных участников захвата его; второй, фай' (فَيْء), включал культурные земли с населявшими их земледельцами, которые целиком предназначались для передачи в неотчуждаемый фонд.¹

Этот [фонд, централизуя в руках халифа основные условия труда и производительные силы, должен был, по планам Омара, дать решительный перевес центральной власти халифата над остальной знатью, обеспечить на вечные времена господство правоверных над немусульманами путем эксплуатации последних и образования резерва, мадда (مادّة), главным образом для обеспечения и укрепления военных сил мусульман; при этом подчеркивалась забота о будущих годах, в которые ожидалось падение доходов от военной добычи.² Но на деле Омар

¹ Й а х й ā и б н А д а м. Китāб ал-Харāдж (арабск. текст). Лейден, 1895, стр. 10, 12, 13, 31 (в дальнейшем: Ибн Адам). В этом раннем своде уже отражена победившая впоследствии тенденция [отказа от деления добычи на фай' и ганима. Тем не менее можно и здесь видеть сущность различия их, правда не тогда, когда законоведы дают дефиницию их. Абу Йусуф, например, в одном месте (стр. 28) определяет фай' как харāдж (هو الخراج عند اخراج الارض والله اعلم), а в другом (стр. 241) называет фаем завоеванные земли, поступающие в распоряжение имама. Различие между обоими родами добычи видно, например, из следующего требования военачальников о разделе земель (стр. 28: وقالوا اقسام الارضين بين الذين افتتحوها كما تقسم غنيمة العسكر).

² А б у Й у с у ф, стр. 28, 29, 30—31, 33, 42, 43, 167—168, 232, 241. В числе различных вариантов разъяснений Омара о сущности его плана приводится его развернутый ответ на требование раздела Сирии между участниками завоевания ее (стр. 167: (ان) يقسم بينهم المدن واهلها والارض وما فيها من شجر او زرع). Этот ответ он заключил следующими словами о сущности плана и об опасности раздела земель и земледельцев между участниками: لمن ياتي من بعدنا من المسلمين والله ما كانوا يجدون انسانا يكلمونه ولا ينتفعون بشيء من ذات يده وان هولاء ياكلهم المسلمون ما داموا احياء فاذا هلكننا وهلكوا اكل ابناءنا ابناءهم ايدا ما بقوا فهم عبيد لاهل دين الاسلام ما دام دين الاسلام ظاهراً فاضرب عليهم الجزية وكف عنهم السبى وامنع المسلمين من ظلمهم والاضرار بهم واكل اموالهم الا بخلها [بحقتها] ووف لهم بشرطهم الذي شرطت لهم (стр. 168). Этот материал частично приводился в нашей литературе, но вне связи с разбираемой здесь проблемой, которая не ставилась вовсе (см.: А. Я к у б о в с к и й. Ирак на грани VIII—IX вв. Труды первой сессии арабистов, М.—Л., 1937, стр. 27).

мог лишь частично осуществить свои планы. А после его смерти сразу же стала усиленно развиваться тенденция роста владений знати, укрепившихся местных феодалов. Возведенное Омаром I здание стало разрушаться настолько стремительно, что хронисты, мусульманские законоведы, писавшие в более поздние годы, не успели зафиксировать даже четких контуров его. Не рассмотрели сущности плана Омара и исследователи, подчас вовсе отказывающиеся признать существование его, вопреки многочисленным сообщениям, рассеянным во всех источниках.¹ А между тем объективно-историческое значение политики Омара I было огромно, несмотря на недолгую жизнь его мероприятий. Без учета их мы не могли бы разобраться в интересующих нас вопросах.

Вернемся теперь к упомянутому выше посланию Омара II. Наряду с подтверждением определенного реального значения политики Омара I мы находим в послании законченную картину провала его мероприятий ко времени Омара II. Это послание, озаглавленное „От Омара ибн 'Абд ал-'Азйза, эмира верующих, к правителям ('амилам)“, авторитетный переводчик и комментатор Гибб назвал фискальным рескриптом, хотя многие пункты его не связаны с фиском. Такая характеристика документа облегчает оценку значения его. Но вместе с тем, относясь к нему как к рескрипту, Гибб обращает больше внимания на уточнение налоговых форм, отмечает противоречия его с другими известными данными и неконкретность указаний, несовместимых с понятием о рескрипте.² Нам кажется, что оценка будет полнее, если рассматривать послание как баланс, подводящий итог финансовой политике халифата до 720 г. Соответственно этому логичнее становится неконкретность указаний халифа своим 'амилам, приобретает определенный смысл обращение к ним с простым перечнем больших фискальных вопросов.

Оценка документа Гиббом освобождает нас от анализа пунктов послания, относящихся к отдельным формам податей, податных групп. Все они говорят о нарушениях налоговых норм, о тяжелом бремени их, о тиранической барщине. Рассматривая эти пункты с точки зрения фискальной, мы увидим, что они приводят к весьма определенной единой цели. К этой цели, мы полагаем, приводят и другие пункты: они правильно, объективно подчеркивают невозможность ни сохранить, ни тем более увеличить при помощи налогов доходы фиска, они справедливо указывают на то, что чрезмерные поборы подрывали хозяйство податных, а тем самым будущие доходы фиска, и с ним политическую мощь государства.

¹ В частности, кроме указанного выше Абу Йусуфа, об этом же, но менее подробно, пишет и Ибн 'Адам (стр. 5, 13, 31, 32).

² Н. А. R. Gibb, ук. соч., стр. 8. Автор указывает на предварительный характер его комментария (стр. 2).

Таков же смысл разделов послания, трактующих о формах земле-
владения и о доходах с добычи *фай'* и *ганйма*. Они дополняют отме-
ченные выводы и чрезвычайно заостряют их. Особое место занимают
пункты, констатирующие положение, вызванное расхищением земель-
ных фондов (п. VII, п. XVI, а особенно п. XVIII). В последнем пункте
подчеркивается приоритет общественной пользы перед частной выгодой,
но вместо какого-либо распоряжения халифа высказывается лишь мне-
ние о необходимости восстановить земли *фай'*. В особом пункте (п. VI)
рассматриваются доходы с владений *фай'*. В нем халиф ссылается на
Омара I как на законодателя, выработавшего основы *фая*. Но вместе
с тем, в противоположность приведенным разъяснениям последнего,
Омар II сообщает об объединении в один фонд доходов от *фая* и от-
числяемой в распоряжение халифа пятой доли добычи *ганйма*. В этих
пунктах послания, еще больше чем в предшествующих, раскрывается
практическое значение документа — оно объективно заключается в под-
черкивании угрожаемого финансового положения халифата, иссякания
фая, важнейшего источника доходов казны, и необходимости срочно
искать выход. Отмеченное изменение в отношении Омара II к исполь-
зованию доходов от *фая* и *ганйма* наводит на мысль, что халиф как-то
уже нащупывал выход из кризиса; такой „выход“, который подводит
нас к причине первой вспышки хариджитского восстания, происшедшей
в год смерти Омара II.

Однако прежде чем перейти к освещению этого вопроса, нам необ-
ходимо ознакомиться с местом Магриба в рассмотренном плачевном
балансе халифата. В отдаленном Магрибе и подчиненной его правителю
Испании расхищение *фая* началось, очевидно, с первых шагов завоева-
ния этих стран. Об основателе Кайруана, 'Укбе, сообщается, что, от-
правившись в поход к Атлантическому океану, он оставил в Кайруане
родичей, имущество, Он затем погиб сам, но родня его осела в стране,
участвовала в других завоеваниях и овладела здесь лучшими землями.
Таким же образом постоянно выступают при изучении событий в Маг-
рибе потомки, мавāли всех знатных завоевателей Магриба, всех преж-
них правителей его, несмотря на то, что они, как мы видели, подвер-
гались репрессиям и у них конфисковалось имущество. В результате
оседания их к интересующему нас периоду мы уже встречаемся в Маг-
рибе с новой категорией местной землевладельческой аристократии,
именуемой „ифрикийцами“.¹ Это — арабская знать, прочно осевшая
в стране.

Укрепление феодального землевладения ко времени хариджитских
восстаний иллюстрирует сообщение о следующем земельном конфликте

¹ Ибн 'Абд ал-Хаккам, стр. 218 (اهل افریقیة من قریش والانصارى وغيرهم). В начале завоевания Магриба ифрикийцами с добавлением слова 'аджам (عجم) назы-
вали, как мы видели выше, румы Магриба.

в Кайруане. Район этой метрополии халифата в Магрибе, защищенный прочными стенами и крупнейшим в стране гарнизоном, обеспечивал осевшим здесь курейшитам-фихритам, родичам 'Уқбы, надежную господствующую позицию. Заселивший окраины города плебс, переселенные в окрестности его остатки руми, да и жившие в обширном районе господства Кайруана берберские племена оказались в полной зависимости от ифрикийцев. Земли были захвачены этой арабской знатью, а племена обложены обременительными повинностями. Феодалная земельная собственность настолько прочно сложилась здесь, что когда захотели расширить мечеть, нельзя было этого выполнить из-за отказа фихритов, владельцев окрестных садов, вилл, дворцов, продать необходимую земельную площадь. Когда невозможность столковаться с фихритами вынудила правителя обратиться за содействием к халифу и последний заставил владельцев продать участок земли, то фихриты, вместе с их челядью, мавали, отказывались молиться в новой пристройке, протестуя этим против вторжения в их священные права собственности.¹

Точно так же сообщается о городе, находившемся в четырех днях пути на запад от Кайруана и принадлежавшем ансарам. Сообщают также о городе, которым завладели курейшиты, в шести днях пути на северо-запад от Кайруана.² Имеется и более общее известие о разделе в 710 г. земель Магриба между завоевателями. Из последних знаменита династия, правившая много лет княжеством Нокур в районе марокканского побережья Средиземного моря.³ Таким образом, даже в сравнительно удаленных районах Магриба, где только ифрикийцы чувствовали себя достаточно устойчиво, они присвоили себе земли, хотя по положению все завоеванные земли отходили в неотчуждаемый фонд *фай*³, доходы с которого должны были поступить в распоряжение халифа. И если предположить даже, что присвоившая эти владения знать Магриба вносила десятину, причитающуюся с доходов мусульман, то едва ли что-нибудь оставалось из этих сборов на долю казны халифа после вычетов на содержание аппарата, гарнизонов.

Короче говоря, положение в Магрибе ко времени начала хариджитских восстаний характеризуется тремя важными моментами: как и во всем халифате, усиливается эксплуатация масс населения укрепившимися в стране ифрикийцами-феодалами, захватившими обширные земельные владения и тем самым закабалившими обитавшие на них племена; возрастает нажим фискальных органов; халифат, юридически и в военном отношении господствующий над Магрибом, бессилен обеспечить регулярное поступление доходов в казну и все более вынуждается прибегать к чрезвычайным фискальным мерам.

¹ El Bekri, JA, т. XII, 1858, стр. 473.

² Там же, стр. 528; т. XIII, 1859, стр. 74.

³ Там же; Ибн Халдуна, т. I, стр. 282; франц. перевод, т. II, стр. 137.

Непосредственная причина восстания

Мы уже указывали, что в послании Омара II намечался выход из финансового кризиса. Он заключался в унификации доходов от фая и ганймы. Однако известная нерешительность этого халифа, предпочтение, которое он отдавал религиозным увещаниям, очевидно ограничили его практические административно-финансовые возможности. Да и кратковременность периода его царствования (717—720 гг.) не способствовала реализации его мероприятий. Нам известно только одно его распоряжение, относящееся к Испании, в котором он требовал „отчисления пятой части с завоеванных земель, имений и присылки описания Андалусии с ее реками“,¹ т. е. приравнивал фая¹ к ганйма, добываясь хоть доли первой. Как увидим, он требовал проведения мероприятия, ставшего потом в Магрибе причиной восстаний. К анализу его мы вернемся после, в связи с аналогичными мероприятиями в самом Магрибе, после смерти Омара II.

Преемник Омара II, Йазид II, назначил правителем Магриба человека, имя коего символизировало решимость, беспощадность. Это был бывший секретарь, начальник полиции, правая рука известного Хаджжаджа, маула его — Йазид ибн абү Муслим. За свою „блестящую“ деятельность он сидел в 720 г. в тюрьме.² И, очевидно, за все эти его достоинства именно на нем остановил свой выбор Йазид II и вызволил своего тезку из тюрьмы.

Жертвами Йазида и его достойного „патрона“ на Востоке были отдельные группы населения: хариджиты, масса зиммиев, отколовшиеся от последних одиночки (но значительной численности), пытавшиеся обращением в ислам легализовать бегство от своих феодалов, бывших единоверцев. В Магрибе же основное население приняло ислам и считалось союзным, никогда ранее не испытывало бесславной доли зиммий. Кроме того, здесь особо остро, как мы видели, перед правителем ставилась задача обеспечения взносов в казну халифа, отчисления полагающейся халифату доли прибавочного продукта.³ Этим чрезвычайно усугублялось противоречие между представителем центральной власти и осевшей в Магрибе землевладельческой знатью, хотя правитель, конечно, помогал последней расширить свое господство, усилить эксплуатацию масс.

Йазид, как известно из хроник, успел осуществить два мероприятия, одновременно задевавшие берберов и ифрикийцев: арестовал предшествен-

¹ Ибн 'Азāрй, т. II, стр. 25: *ان يخذم ما غلب عليه من ارضها وعقارها*.

² Мас'удй, т. V, стр. 334, 404—405; Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 34; франц. перевод, стр. 45; Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 213.

³ Показательно, например, что в разгар хариджитского движения казна халифата дотировала подчиненный ему кайруанский эмират в сумме 100 000 динаров ежегодно. Правителем тогда был назначен кандидат, отказавшийся от дотации и согласившийся еще вносить в казну халифа почти половину этой суммы (Ибн ал-Асйр, т. IV, стр. 106).

ника своего и присвоил мавāли рода Мусы ибн Нуҗейра. В том же году Йазид был убит. Не касаясь пока важных обстоятельств второго мероприятия его, мы констатируем, что в основном источники сходятся на том, что именно этим актом Йазидом было вызвано его убийство.¹

Ибн Халдун, в отличие от других источников, считает это убийство началом хариджитских восстаний.² И он совершенно прав. Как увидим, провозглашенный Йазидом с кафедры мечети план мероприятий, вызвавших его убийство, полностью совпадал с теми мерами, которые потом, при широкой реализации их другими правителями, вызвали массовое восстание против халифата. Кроме того, и форма реакции, и состав участников убийства — мавāли — дают основание видеть в убийстве правителя первую известную нам вспышку хариджитской борьбы. Хотя, очевидно, к этому приложили руку и ифрикийцы. Так, один источник сообщает, что по обвинению в причастности к этому убийству был казнен потомок Мусы, пользовавшийся поддержкой ифрикийцев.³ Объективно в убийстве был заинтересован предшественник Йазидом, освобожденный после этого из заключения.⁴ Наконец, ифрикийцы, выдвигая из своей среды заместителя убитого, заботливо избегали кандидатуры из лиц, которых могли заподозрить в причастности к убийству. Поэтому они наметили правителем ансара Мухаммеда ибн Ауса — во время убийства он был далеко от места свершения его, а кроме того, очевидно представлял интересы, противоположные политике Йазидом. Халиф не утвердил его.

В чем же заключались мероприятия Йазидом? Наиболее ранняя из хроник, специально посвященная завоеванию Африки, сообщает: „Йазид ибн абү Муслим захватил берберских мавāли Мусы ибн Нуҗейра, поставил клейма на их руки и сделал их отчисляемой пятой частью добычи, описал их имущество, детей. Затем он сделал их (берберов) своими телохранителями“.⁵ Там же приводится вторая версия, подчеркивающая подражание Йазидом клеймению, применявшемуся в Византии.

Другая хроника, приводя только вторую версию, добавляет, что в Византии так клеймили телохранителей. Обе хроники согласны, что убийство Йазидом совершенно упомянутыми его телохранителями. Причем вторая разъясняет, что они сделали это из опасения, что к ним будут относиться как к христианам.⁶ А в трудах, посвященных главным обра-

¹ Ибн 'Абд ал-Ғакам, стр. 214; Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 34; франц. перевод, стр. 45.

² Ибн Халдун, т. I, стр. 137; франц. перевод, стр. 216.

³ Ибн 'Абд ал-Ғакам, стр. 213, 214.

⁴ Там же, стр. 214.

⁵ Там же, стр. 214: ان يزید بن ابی مسلم اخذ موالى موسى بن نصير من البربر فوشم ايديهم وجعلهم احماسا واحصى اموالهم واولادهم ثم جعلهم حرسه.

⁶ Ибн 'Азāрй, т. I, стр. 34; франц. перевод, стр. 45. Автор не говорит, что телохранители были из мавāли Мусы.

зом Востоку, мероприятия Йазыда расцениваются попросту как повторение политики Хаджжаджа.¹

Что касается Ибн Халдуна, который ставил убийство Йазыда и начало восстания в зависимость от распространения хариджитских идей в Магрибе, то и он вынужден был потом привести известия, показывающие, что не идеи, а совпадающие с мероприятиями Йазыда меры правителя Ибн ал-Хабхаба привели к восстаниям. О последнем сообщается: „... до них дошло, что он отчисляет пятую часть добычи с берберов, ввиду того, что они — фый' мусульман“.² В двух других источниках почти дословно сообщается о помощнике Ибн ал-Хабхаба: Омар ал-Мурადй, 'амил Танжера „захотел отчислить пятую часть добычи с берберов-мусульман, считая что они — фый' мусульман“.³

Таким образом, уточняется, что начиная с Омара II, а особенно со времени магрибийского правителя, поставленного преемником Омара, халифы все более настойчиво проводили политику „отчисления пятой части добычи“. Все более отпадают наслоения, заслонявшие основную причину конфликтов, делается все яснее, что расширение практики „отчисления пятой части добычи“ превратило отдельные вспышки возмущений в массовое восстание, разгоревшееся в 739 г. Однако прежде чем перейти к анализу сути этой политики, необходимо устранить существенное разногласие в переводе приведенных выше цитат. Дело в том, что в противоположность указанному толкованию текста, в частности глагола хамаса (خمسة), мы находим и совершенно иной перевод: „Омар ал-Мурадй... считал себя вправе рассматривать [имущество] берберов как добычу и облагать их пятиной“.⁴

¹ Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 76. Интересно, что Табари тоже упоминает о возмущении телохранителей, но он видит в них персов, не связанных с Магрибом.

² Ибн Халдун, т. I, стр. 137; франц. перевод, стр. 217: بلغهم انه يخمس البربر باثمة في المسلميين.

³ Ибн ал-Асйр, т. V, стр. 142: أراد ان يخمس مسلمى البربر وزعم انهم فيء للمسلمين. Формулировку из второго источника (Ибн 'Азарй, т. I, стр. 38) мы приводим ниже (стр. 81, прим. 1) в развернутом виде.

⁴ Переводчик Е. Фаньян (E. Fagnan), очевидно, руководствовался разъяснением в глоссарии, приложенном Р. Дози (R. Dozy) к изданному им тексту Ибн 'Азарй. Ссылаясь на это место (واراد تخميس البربر وزعم انهم فيء للمسلمين) и на приведенное выше распоряжение Омара II (см. выше, стр. 76, прим. 1), Дози считает, что глагол خمسه (хамаса II) значит „заставить платить двойную десятину“ (т. II, стр. 16—17). Трудно оспаривать мнение такого авторитетного ученого, выдающегося знатока арабского языка. Но он явно был введен в заблуждение неустойчивостью аграрных отношений в халифате и связанной с этим нечеткостью формулировки рассматриваемого текста у автора хроники, находившегося под влиянием более поздних, современных ему форм налогообложения. Отметим, что цитата, относящаяся к Испании, видоизмененная несколько (ليخمس الاندلس) в другом источнике, дается переводчиком как попытка „вызвать в Испании королевский налог, состоявший из пятой части добычи“. Хотя здесь говорится о налоге без всякого основания, этот перевод.

Уже тот факт, что переводчику пришлось здесь вставить отсутствующее в тексте слово „имущество“, чтобы сделать его добычей вместо самих берберов, указывает на натянутость такого перевода. Но главное не в этом, а в том — идет ли здесь речь просто о новой ставке налога или о мероприятии, угрожающем существенным изменением социального положения масс берберов.

Что касается значения глагола *хамаса*, то в основе его лежит записанное в Коране положение о том, что пятая часть добычи причитается аллаху (его представителям, их близким и нуждающимся).¹ В таком смысле упоминается об этом в указанном выше обращении Омара II, где говорится об объединении *фая* и *хумса* (خمسة) в единый фонд. И хотя там рассказывается о всех налогах, нет ни слова в нем об особой подати — „пятине“, о которой сказано у переводчика. Точно так же только в значении пятой части добычи, а не в смысле особого регулярного налога это слово употребляется в цитированных „Книгах о *харадже*“, которые этим вопросам главным образом посвящены.²

Обратимся теперь для проверки значения термина *хамаса* к известным нам фактам реализации политики „отчисления пятой части“ в Магрибе. По одним сообщениям, *Йазид* собирался, по другим — осуществил следующую меру: присвоил берберов (мавали *Мусы*), клеймил их,³ включил в состав охраны правителя, учел (описал) их имущество, детей. Здесь совершенно исключена возможность какого-либо обложения продукта их труда — присваиваются сами люди и все, принадлежащее им. Что касается *Ибн ал-Хабхаба*, то суть мер его тоже заключается в отношении к берберам и всему их имуществу как к добыче. В одном источнике мы находим следующее известие, вскрывающее конкретное содержание его политики отчисления пятой части: „... халифы Востока находили удовольствие в диковинках из Магриба; они внушали это ифрикийским правителям и те присылали им пленниц-берберок. А когда правление перешло к *Ибн ал-Хабхабу*, то он прельстил их (халифов) обилием и взял на себя — или они возложили на него — больше прежнего. И он вынужден был чинить насилия, установить дурной режим. Тогда бер-

---

в остальном подтверждает наше толкование (см.: A. Cherbonneau. Foutouh el-Andalous, Ibn el-Kouthya. JA, т. VIII, 1856, стр. 441).

¹ Коран, сура VIII, ст. 42: *واعلموا انما غنمتم من شيء فان لله خمسة وللرسول* *ولذي القربى واليتامى والمساكين وابن السبيل*. Подобные же отчисления с добычи, как мы указывали выше (очевидно, тоже в пользу общины, племени, союза), производились арабами и накануне ислама.

² См.: Абу *Йусуф*, стр. 241 и др.; *Ибн Адам*, стр. 5, 6, 12, 31 и др.

³ *Йазид* ссыался при этом на опыт Византии. Может быть, судьбу их уместно сравнить с рабским положением клейменных „стигматов“ Византии (см.: Н. В. Пигулевская. Византия в IV—VI вв. Сб. документов, М., 1951, стр. 15).

беры открыли враждебные действия“.¹ Другой автор добавляет, что халифы требовали также поставок тончайшей шерсти, которая добывается только от ягнят, извлеченных из чрева заколотых овец.² Подобная практика вела к истреблению стада овцеводов Магриба.

Практика отчисления пятой части добычи накануне восстаний совершенно ясно отвечает также на возникающий вопрос — с какой добычи требовалось отчисление? О ганима здесь нет и речи: 1) с ганима прошедших лет хумс тем или иным путем поступал в казну халифа,³ 2) в Магрибе не происходили тогда новые значительные завоевания, 3) все известные нам покушения на пятую часть распространялись на *фай* — людей (мавāли, берберок), их семьи, имущество, стада, земли, имения. Таким образом, халифат, с одной стороны, признал свершившийся факт, заключающийся в том, что в Магрибе, подобно добыче ганима, *фай* присвоили, где могли, ифрикийцы. Отсюда, с другой стороны, делался логический вывод — раз стерта грань между формами присвоения обоих родов добычи, то халифу остается его право на пятую часть всей добычи, в том числе и *фая*. Казна халифа, как мы видели из послания Омара II, уже до этого уравнила оба вида по назначению их. В порядок дня была поставлена теперь задача отчисления пятой части добычи с *фая*. Она была особенно важна для казны халифата ввиду уменьшения завоеваний и падения хумса с ганима, при накоплении имущества, предназначенного в фонд *фая*, и росте доходов с него.

Однако накопление *фая* в руках местных феодалов чрезвычайно укрепило их и усилило сопротивление покушениям центральной власти на увеличение ее доли прибавочного продукта.⁴ Отсюда многочисленные столкновения между обеими группировками, лишь временно затухавшие даже в разгар хариджитских восстаний. Отсюда отмеченные выше весьма подозрительные связи ифрикийцев с убийцами Йазида.

¹ Ибн 'Азāрī, т. I, стр. 39; франц. перевод, стр. 51.

² Ибн Халдун, т. I, стр. 150—151; франц. перевод, стр. 237. Автор отмечает, что добыть хоть одного такого ягненка можно было, уничтожив стадо в 100 овец.

³ К описанным выше чрезвычайным фискальным мерам халифата стоит добавить, что командовавшему первым походом в Северную Африку халиф Осман назначил в премию с хумса долю его, чтобы заинтересовать в поступлении хумса в казну халифа (Ибн ал-Асйр, т. III, стр. 67).

⁴ Сопротивление местных феодалов отчислению пятой части *фая* нашло отражение в фикхе. Цитированный выше автор приводит весьма типичное суждение: „... что касается селений, городов, земель, то это — *фай*“, и имам распоряжается им, как сочтет лучшим: хочет — делает неотчуждаемым и оставляет для мусульманской общины, хочет — делит между участниками. И говорят некоторые фақихи, что с этого не причитается пятая часть, а некоторые говорят: если делит ее, то причитается пятая часть, а если делает вакуфным, то это — *фай*“ (Ибн Адам, стр. 12—13: فانما القرى والمدائن والارض فيى فيء والامام بالخير في ذلك ان شاء وقفه وتركه للمسلمين وان شاء قسمه بين من حضره وقال بعض الفقهاء ليس فيه خمس وقال بعضهم ان قسمه ففيه الخمس وان وقفه كان فيءا).

Бессильные преодолеть сопротивление ифрикийцев, правители шли по линии наименьшего сопротивления — решали спор за счет племен, находившихся еще вне сферы регулярной эксплуатации их ифрикийцами. Как всегда, под осуществляемую политику подводилось юридическое обоснование; оно поставило крест над арабо-берберским союзом первого периода завоевания Магриба. По новой трактовке, Магриб был объявлен страной, население которой приняло ислам после завоевания ее арабами. Вследствие этого Магриб признавался добычей мусульман, с коей одна пятая подлежит отчислению в распоряжение халифа. В счет этой „пятой части“ Магриба правители стали присваивать, где она была доступна им, всю „добычу“, включая людей, стада их. В этом реальный смысл спорного сообщения, которое в развернутом виде звучит так: „И захотел правитель отчислить пятую часть добычи с берберов, считая их фаем мусульман, а этого никто не совершал до него; пятую часть добычи правители отчисляли только с тех, кто не подчинился исламу“.¹

Причина восстаний — в причислении Магриба к „добыче“, а особенно в политике правителей, которая могла быть расценена как реальная угроза превращения жителей Магриба в рабов.

Распространение хариджизма в Магрибе

Усиление эксплуатации племенных масс Магриба, надменное отношение даже к их вождям со стороны арабской знати создали благоприятную почву для агитации против гнета халифата. В то же время успешные военные действия арабов и их политика союза с верхами берберов способствовали весьма радикальному вытеснению старых религий. Те уже не могли служить средством для того, чтобы с их помощью „сорвать покров святости“ с господствовавшей мусульманской религии, освящавшей режим экспроприации и эксплуатации магрийцев. А так как периоду средних веков свойственна религиозная форма сознания, то знаменем борьбы Магриба против халифа, его правителей на местах, осевшей здесь арабской знати стала ересь мусульманская, хариджизм.

Сами хариджиты не считали себя ни еретиками, ни реформаторами и не называли себя хариджитами. Этим именем называли хариджитов поборники ортодоксальной религии; оно стало для последних нарицательным при обозначении раскольников, мятежников.² А самоназвания движения в целом мы не встречаем в источниках.³ Поэтому мы сохра-

¹ Ибн 'Азъарй, т. I, стр. 38; франц. перевод, стр. 50: *وأراد تخميس البربر وزعم أنهم فيء المسلمين وذلك ما لم يرتكبه عامل قبله وإنما كان الولاية يخمسون من لم يجب للإسلام.*

² См.: Ибн Халдун, т. I, стр. 138; франц. перевод, стр. 218; см. также: *Recueil des firmans imperiaux ottomans. . .* Caire, 1934, №№ 150, 152, 169 и сл., где турецкие султаны называют хариджитами ваххабитов Аравии.

³ Есть один термин, которым хариджиты иногда называли себя — шурā (شُرَاة). Это значит — люди, отдающие себя, всю свою жизнь за свои убеждения. Такое само-

нением название, введенное в обиход противниками хариджизма и применяемое всеми источниками, авторы коих не были хариджитами.

В отличие от многочисленности течений хариджитов на Востоке халифата, в Магрибе были известны лишь приверженцы двух из них — софриты и ибадиты.¹ Эти обозначения служили приверженцам течений как самоназвания. Но чаще всего они называли себя просто мусульманами, имея в виду при этом только своих единомышленников.² А при желании подчеркнуть свою особую организацию, идеологическую связь ибадиты называли себя „людьми мусульманского призыва“, или сокращенно „люди призыва“.³

Подготовку и возникновение хариджитского движения в Магрибе Ибн Халдун описывает следующим образом: „Среди них (берберов) пустил корни хариджизм, и они уверовали в него. Распространителями его были арабы, перенесшие его (в Магриб) из колыбели движения в Ираке. Умножились группы (хариджитов), разветвились течения ибадитов и софритов, ересь эта распространилась (по стране). Главы лицемеров (رؤس النفاق من العرب) из арабов и закоренелые мятежники из берберов превратили ее в средство возмущения против власти. Они привлекали сторонников отовсюду, обращаясь с проповедью своего учения к подонкам берберов (طغام البربر). Выдавая ложь своей ереси за истину, они обучали ей последних и достигли того, что у тех глубоко укоренились семена ее, укрепились заповеди ее. Таким образом, берберы

название было вполне оправдано и для масс, беззаветно воевавших за окрылившие их цели, и для многих их руководителей, а также одиночек, которые, подвергаясь жесточайшим казням, проявляли изумительное мужество, отвечали на репрессии смелыми террористическими актами (ср.: Ма с'у дй, т. V, стр. 393; ср. также: Ибн а л - А с ъ р, т. III, стр. 428—430). Но хариджиты потом стали называть шура лишь руководителей движения в Магрибе. Однако о хариджитах курдах сообщается, что они назывались все шура (Ма с'у дй, т. V, стр. 435). Очевидно, пестрота этнического состава и социально-экономические условия халифата способствовали локализации хариджитских восстаний, и оно нашло выражение в отсутствии общего самоназвания.

¹ В ибадитской литературе течения формально приравниваются к толкам ортодоксального ислама, называются мазхаб (مذهب).

² Абу Закарийа Йахйа ибн абу Бекр. Китаб ас-сийар ва-ахбар ал-а'имма. Рукопись № 1085-II Научной библиотеки Львовского государственного университета им. И. Франко (коллекции Э. Смогоржевского), лл. 76, 8а, 11а, 12а и др. (в дальнейшем: Абу Закарийа). Эта рукопись (А) имеет 63 листа по 25 строк в каждой странице и включает первую, самую главную, часть названной хроники. Приведенные по ней в настоящей статье факты и цитаты проверены нами по двум другим спискам того же фонда, №№ 1054-I (Б) и 1055-I (В). Последние два списка включают: Б — полную рукопись I и II частей хроники на 111 листах по 19—20 строк в странице; В — неполную фоторепродукцию обеих частей хроники на 33 снимках, воспроизводящих 131 страницу по 23—24 строки в каждой и имеющих некоторые дефекты.

³ Абу Закарийа, лл. 146, 246, 26а, 54а. Название „ахл да'ва-т-ал-муслимин“ (اهل دعوة المسلمين) сокращается в „ахл ад-да'ва“ (اهل الدعوة), где определенный артикль заменяет опущенное определение.

дошли до нападения на арабских эмиров и убили Йазйда ибн абү Муслима¹.

Скупое описание Ибн Халдүна дает нам представление о длительном периоде подспудного вызревания хариджизма. Он, как мы видим, проник в Магриб задолго до убийства Йазйда. В целом это описание подтверждается другими источниками. В последних мы находим данные о том, что еще до полного завоевания Северной Африки она стала убежищем для преследуемых противников династии Омейядов. Бежавшие от преследований хариджиты могли найти надежную защиту на подступах к Магрибу, среди племен Джебель Нефуса, в городе Триполи и др. Не случайно этот район стал центром стойких бойцов и воинственных богословов-хариджитов.² Из других центров деятельности хариджитов-арабов в Магрибе известны еще Кайруан и Сиджильмаса.

Важное, хотя и ограниченное, значение агитации хариджитов показывает сообщение брата многократно цитируемого здесь историка Ибн Халдүна: „Проникли жители Ирака в эту страну, возбуждали население... Население (Магриба) отказывалось восстать против имамов из-за поборов, взимаемых теми, кто их представляет. А иммигранты отвечали, что представители руководствуются в своих действиях инструкциями имамов“³.

Особенно ярко иллюстрирует роль иммигрантов-хариджитов сообщение об идейном руководителе софритов Магриба ‘Абд ал-А’лә ибн Худейдже. Он был руми по происхождению и религии. Арабские завоевания сделали его, как и других покоренных, принявших ислам, маулā арабов. И вот, источники сообщают нам, что „патроны“ ‘Абд ал-А’лә были хариджитами.⁴ Так, оказывается, распространился подчас ислам в Магрибе. Совершенно очевидно, что наряду с руководителем подобным образом примкнули к исламу и некоторые массы хариджитов.

Основной лозунг хариджитов, ставший военным кличем восставшего Магриба, раскрывает в значительной мере секрет привлекательности их знамени для народа. „Нет суда, кроме божьего, и нет покорности ослушавшемуся аллаха“⁵ — этот лозунг провозглашал восстание высшим законом. Положение „халифом может быть даже раб“ выражало идею равенства народа. Эта идеология была направлена не против арабов, а против их разложившихся верхов, надменных курейшитов, монополизировавших власть в халифате.

¹ Ибн Халдун, т. I, стр. 136—137; франц. перевод, стр. 216.

² Абу Закарийя, л. 196. В одном из боев нефуситов против эмира Аббасидов погибло 400 факихов (там же, л. 32а).

³ Йахйя ибн Халдун. Бигийа-т-ар-рувād... т. I. Alger, 1904, стр. 15 (Арабск. текст и франц. перевод А. Бэля).

⁴ Ибн Халдун, т. I, стр. 151; франц. перевод, стр. 237—238.

⁵ Ма с’удй, т. V, стр. 319 (под „судом божьим“ здесь, как и в других текстах, явно подразумевается решение спора в бою).

Усвоение этой идеологии частью племен до начала восстания также свидетельствует о предварительной подготовке движения. И, наконец, только следствием длительной предшествующей подготовки можно объяснить, что с первых шагов всеобщего восстания на историческую арену рядом с военным вождем выступил упомянутый идейный глава софритов-хариджитов 'Абд ал-А'лā, которому первый принес присягу.¹ Это было бы невозможно без некоторой организационной связи различных групп и племен. Без такой связи, без длительной подготовки трудно представить себе возможность избрания руководителем движения маулā, руми, лишенного неперемного условия — опоры вождя племени на влиятельных сородичей.

Еще в большей мере тесные связи восставших масс с арабами, с центрами хариджизма в Ираке в ходе борьбы, о которых здесь не место распространяться, бесспорно опровергают мнение о хариджитских восстаниях как об арабо-берберской войне. Вместе с тем данные арабских источников показывают, что причина восстания лежит также не в „кознях Ирака“, не в распространении хариджитских идей. Хариджитская идеология стала только формой движения, борьбы, восстаний, причина коих, как мы видели, заключается в усилении гнета масс Магриба халифом, его правителями, местной землевладельческой знатью, в угрозе ограбления и порабощения их.

M. Czourakov

MAGRIB À LA VEILLE DE L'INSURRECTION HARIDJITE

Les insurrections haridjites de Maghrib ne sont pas une consequence de xenophobie des berbères envers les arabes. Les auteurs arabes médiévaux ont considéré cette revolte comme un mouvement purement religieux et en ont attribué la cause a la propagation des idées haridjites par les missionnaire d'Irak. Ces opinions sont refutées complètement par les renseignements de ces sources mêmes. La cause des insurrections était la défalquation „du cinquieme de la fai“ et les mesures prises par le gouvernement, qui peuvent être appréciées, comme une menace réelle, pour reduire le peuple maghribin à des conditions de servage.

Les idées haridjites n'exercèrent qu'une influence secondaire.

---

¹ Ибн Халду́н, т. I, стр. 137; франц. перевод, стр. 216—217.